

ЭРИК ХОБСБАУМ

Разломанное время

Культура и общество в двадцатом веке

Перевод с английского

Николая Охотина

издательство АСТ

Москва

Глава 2

Куда движутся искусства?

Не подобает спрашивать историка о том, как будет выглядеть культура нового тысячелетия. Мы эксперты по прошлому. Нас никак не затрагивает будущее, и уж во всяком случае — будущее искусства, которое переживает самую революционную эпоху в своей долгой истории. Но раз уж нельзя положиться на профессиональных предсказателей, несмотря на гигантские суммы, выделяемые правительствами и корпорациями на их прогнозы, то историк может попытаться сыграть на поле футурологии. В конце концов, невзирая на все потрясения, прошлое, настоящее и будущее образуют один неделимый континуум.

Искусство нашего столетия в первую очередь характеризуется зависимостью от уникальной в истории технологической революции, в особенности в сфере коммуникации и воспроизводства; оно преобразено этой революцией. Потому что вторая сила, революционизировавшая культуру, а именно общество массового потребления, невообразима без технологической революции: без кино, без радио, без телевидения, без портативного звука в вашем кармане. Но, с другой стороны, именно это и не позволяет делать прогно-

зов о будущем искусства. Старинные изобразительные искусства, живопись и скульптура, до недавних пор оставались ручным ремеслом, они попросту не подверглись индустриализации — отсюда, между прочим, и кризис, в котором они сейчас оказались. Литература же, например, приспособилась к механическому воспроизводству уже пятьсот лет назад, во времена Гутенберга. Стихотворение не рассматривается ни как предмет публичного перформанса (как было некогда в случае с эпосом, вымершим в результате изобретения печати), ни — как в китайской классической литературе — как произведение каллиграфии. Это просто блок, механически собранный из символов алфавита. Где, когда и как мы его сможем воспринять — на бумаге, на экране или как-то еще, — не то чтобы вовсе не имело значения, но вторично.

Музыка, в свою очередь, впервые в истории в XX веке преодолела барьер чисто физической коммуникации между инструментом и ухом. Подавляющее большинство звуков и шумов, которые мы слушаем сегодня в качестве культурного времяпрепровождения, достигают нас опосредованно — они воспроизводятся механически либо передаются дистанционно. Таким образом, разные музы по-разному пережили беньяминовскую эпоху воспроизводимости и глядят в будущее также по-разному.

Начнем с краткого обзора отдельных областей культуры. Как писатель, я хотел бы начать с литературы.

Стоит сразу упомянуть, что человечество в XXI веке (в отличие от начала двадцатого) уже не будет почти полностью неграмотным. Сегодня осталось только две части света, где большинство населения не умеет читать: Южная Азия (Индия, Пакистан и прилегающие территории) и Африка. Образование — это книги и читатели. Всего лишь 5%-ный рост грамотности означает дополнительные пятьдесят миллионов потенциальных читателей (как минимум

учебников). Более того, начиная с середины нашего века большинство населения так называемых “развитых” стран может рассчитывать на получение среднего образования, а в последней трети столетия значительный процент этих школьников получит высшее образование (в сегодняшней Британии это соотношение составляет около одной трети). Так что растет аудитория читателей любой литературы. А с ней и число “образованной публики”, к которой обращаются все виды искусств в западной “высокой культуре” начиная с XVIII века. В абсолютных цифрах эта новая аудитория читателей продолжает резко расти, и современные средства массовой информации тоже нацелены на ее рост.

Например, в фильме “Английский пациент” герой читает Геродота — и множество англичан и американцев тут же бросаются покупать этого древнегреческого историка, хотя до того едва слышали о нем.

Такая демократизация печатного слова неизбежно ведет, как и в XIX веке, к раздробленности из-за подъема национальных литератур и — опять же как и в XIX веке — к золотому веку переводчиков. Как еще, кроме как при посредстве переводчиков, Шекспир, Диккенс, Бальзак и великие русские писатели смогли бы стать общим достоянием международной буржуазной культуры? Это отчасти справедливо и для нашего времени. Книги Джона Ле Карре становятся бестселлерами благодаря тому, что его постоянно переводят на тридцать—пятьдесят языков. Но сегодня ситуация полностью отличается в двух аспектах.

Во-первых, как нам известно, слово с некоторых пор заметно отстает от образов, а написанное (и напечатанное) слово — от произнесенного с экрана. Комиксы и книжки с картинками и минимумом текста сегодня предназначены отнюдь не только для начинающих читать. Однако еще более существенно отставание печатного слова перед ли-

цом озвученных и иллюстрированных новостей. Пресса, главный медиум хабермасовской “публичной сферы” в XIX и в доброй части XX века, вряд ли удержит эти позиции в двадцать первом. Во-вторых, сегодняшняя глобальная экономика и глобальная культура нуждаются в глобальном языке в дополнение к местному, и не только для незначительной в процентном отношении элиты, но и для более широких слоев населения. Английский выполняет эту роль сегодня и, вероятно, продолжит справляться с ней в XXI столетии. Международная специальная литература на английском языке уже всюду развивается. И этот английский-эсперанто имеет столь же мало общего с английским литературным языком, как средневековая церковная латынь с языком Вергилия и Цицерона.

Но все это никак не может остановить количественный рост литературы, то есть напечатанных слов — и художественной литературы в том числе. На самом деле, я почти готов утверждать, что, несмотря на все пессимистические прогнозы, традиционный главный носитель печатного слова — книга — удержится на плаву без особых усилий, за несколькими исключениями, такими как большие справочники, словари, энциклопедии и прочие сокровища интернета. Во-первых, нет ничего более простого и практичного для чтения, чем книжка в формате, изобретенном Альдом Мануцием в Венеции XVI века, — небольшая, удобная в переноске, с четкой печатью. Это гораздо проще и практичнее, чем компьютерная распечатка, которую, в свою очередь, неизмеримо легче читать, чем мерцающий текст на экране. Это подтвердит каждый, кто проведет хотя бы час за чтением текста сначала в распечатке, а потом с компьютерного экрана. Создатели электронных ридеров даже не претендуют на улучшение читабельности, а лишь наращивают объемы памяти и гордятся тем, что не надо перелистывать странички.

Во-вторых, бумага на сегодня является гораздо более надежным носителем, чем технологически более продвинутые медиа. Первое издание “Страданий юного Вертера” до сих пор сохраняет вполне читаемый вид, в то время как компьютерные тексты тридцатилетней давности уже вовсе не обязательно будут читаемы, либо потому что носители, как в случае с фотопленкой, имеют ограниченный срок службы, либо из-за стремительного устаревания технологий. Триумфальное шествие компьютеров не убьет книгу, подобно тому, как это не вышло у кинематографа, радио, телевидения и прочих техноинноваций.

Следующий вид искусства, который сейчас чувствует себя вполне неплохо, — это архитектура, и это явно не изменится в течение XXI века. Просто потому что человечество не может жить без зданий. Картины могут быть роскошью, но жилища — необходимость. Кто — архитектор, инженер или компьютер — проектирует и строит здания, где, как, из каких материалов, в каком стиле — все это может меняться, но не сама необходимость в строительстве. Можно даже сказать, что в течение XX столетия архитектор, в особенности архитектор больших общественных зданий, стал царем изящных искусств. Он — как правило, это пока все же *он* — находит самое подходящее, т. е. самое дорогостоящее и впечатляющее воплощение для мегаломании богатства и власти, а также национализма (как раз недавно Страна басков наняла международную звезду для создания национального символа, а именно Музея современного искусства в Бильбао, где будет размещен еще один национальный символ — “Герника” Пикассо*, хотя Пикассо и не задумывал ее как образец национального искусства).

* Музей современного искусства в Бильбао, один из филиалов музея Гуггенхайма, построенный Фрэнком Гери, был открыт для публики в 1997 г. Однако “Герника” так и не была перевезена туда — картина хранится в Центре искусств королевы Софии в Мадриде. — *Прим. ред.*

Достаточно очевидно, что этот тренд продлится и в следующем столетии. Куала-Лумпур и Шанхай уже сейчас доказывают свой статус экономических центров мирового уровня, ставя рекорды по высоте возводимых небоскребов, а объединенная Германия превратила свою столицу в одну гигантскую стройплощадку. Но какого рода здания станут символом XXI века? Одно можно сказать определенно: это будут большие здания. В эпоху масс вряд ли они станут правительственными зданиями или даже зданиями крупных транснациональных корпораций, хотя последние продолжают давать свои имена небоскребам. Скорее всего, это будут здания или группы зданий, открытые для публики. До наступления буржуазной эпохи такими зданиями были церкви, по меньшей мере на Западе. В XIX веке их место, по крайней мере в городах, заняли здания оперы — соборы для буржуазии — и вокзалы — соборы технологического прогресса (стоило бы провести однажды исследование, почему во второй половине XX века вокзалы, а затем и их наследники аэропорты лишились монументальности; возможно, завтра они вновь обретут ее). В конце нашего тысячелетия можно выделить три типа зданий, которые могут претендовать на роль новых символов публичной сферы: большие спортивные и развлекательные арены и стадионы, международные отели и, в самое последнее время, гигантские торгово-развлекательные центры. Если бы мне пришлось ставить на одну из этих лошадей, я бы ставил на арены и стадионы. Но если спросить меня, как долго продлится эта мода, которая буйно разрослась после постройки оперы в Сиднее, — мода придавать этим зданиям самые неожиданные и фантастические формы, — я не найду ответа.

А что происходит с музыкой? В конце XX века мы все живем в мире, перенасыщенном музыкой. Звуки сопрово-

ждают нас повсюду, особенно когда мы ожидаем чего-либо в закрытом пространстве, — в телефоне, в самолете или у парикмахера. Общество потребления, похоже, расценивает тишину как преступление. Так что музыке нечего бояться и в XXI веке. Правда, звучать она будет совсем иначе, нежели сейчас. Музыка уже фундаментальным образом переиначена благодаря электронике, она уже почти не зависит от изобретательности и техники творца. Музыка XXI века станет в основном продюсерским продуктом и будет достигать нашего слуха практически без человеческого участия.

Но что именно мы будем слушать? Классическая музыка в основном держится на мертвом репертуаре. Из шестидесяти с чем-то опер, поставленных в Венской государственной опере в сезоне 1996–1997 годов, только одна принадлежала композитору, родившемуся в XX веке; в концертном зале дела обстоят не сильно лучше. Вдобавок потенциальная аудитория концертов, которая даже в городах-миллионниках составляет в лучшем случае около двадцати тысяч пожилых людей, не возобновляется. И это не может продолжаться бесконечно долго. В самом деле, если репертуар не обновляется, даже гигантская новая аудитория косвенных слушателей музыки не сможет спасти бизнес, построенный на классической музыке. Сколько записей моцартовской симфонии “Юпитер”, шубертовского “Зимнего пути” или “Торжественной мессы” Бетховена сможет вместить рынок? После Второй мировой войны этот рынок трижды был спасен технологиями: последовательно сменяли друг друга пластинки, кассеты и компакт-диски. Технологическая революция продолжается, но компьютеры и интернет фактически уничтожают копирайт, так же как и монополию продюсеров, и это, вероятно, негативно скажется на продажах. Это ни в коей мере не означает конца классической музыки, но с определенной долей уверенно-

сти можно сказать, что ее роль в культурной жизни изменится, а с полной уверенностью — что изменится состав ее аудитории.

Определенная усталость сегодня заметна и в коммерческом секторе массовой музыки, на протяжении XX века демонстрировавшем живость, динамичность и изобретательность.

Только одно наблюдение. В июле, например, опрос рок-фанатов и экспертов показал, что почти вся сотня “лучших рок-записей всех времен” родом из 60-х, а из более позднего времени нет почти ничего. Но до сих пор в поп-музыку не раз удавалось вдохнуть новую жизнь, так что, вероятно, это произойдет и в наступающем веке.

Так что в XXI столетии нас ждут песни и танцы, так же как и в двадцатом, хотя порой в неожиданных формах.

Как только разговор заходит об изобразительных искусствах, все уже выглядит иначе. Скульптура влачит жалкое существование на обочине культуры, будучи лишенной в этом столетии (и в публичной, и в частной сфере) функций фиксации реальности или какого-либо рукотворного символизма. Достаточно сравнить сегодняшнее кладбище и кладбище XIX века, уставленное монументами. В 1870-е годы при Третьей республике в Париже было воздвигнуто более 210 памятников, то есть устанавливали в среднем по три памятника в год. Треть этих статуй пропала во время Второй мировой войны, а потом их уничтожение благополучно продолжилось, как известно, уже по эстетическим соображениям при Андре Мальро. Более того, после Второй мировой, во всяком случае за пределами зоны влияния СССР, было создано очень немного военных мемориалов, отчасти потому, что имена погибших добавляли к уже существующим мемориалам, созданным после Первой мировой. Старые аллегории и символы тоже исчезли.